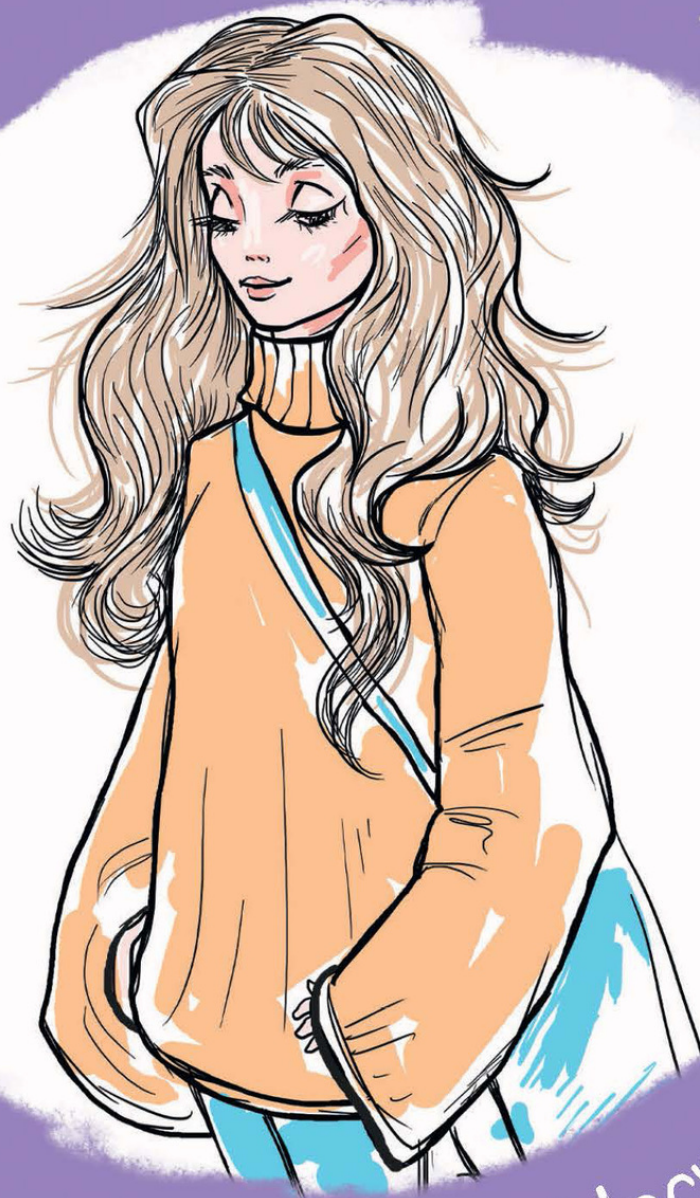


# КРАТКИЙ КУРС ЗОЛУШКИ



Елена Нестерина



Елена Нестерина

**Краткий курс Золушки**

«Елена Нестерина»

2009

**Нестерина Е. В.**

Краткий курс Золушки / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина»,  
2009

ISBN 978-5-51-701995-0

Настя была настолько непопулярна в классе, что даже хейтерить её никому не приходило в голову. Пустое место – ну что с него взять? А Насте хотелось верить, что она Золушка! Что наступит день, и она всем докажет, она станет равной всем – нет, даже лучше! И пусть у неё не было феи-крёстной, а значит, отправить её на бал и познакомить с принцем некому, девочка ждала чуда. Так она и прождала бы всю жизнь, но тут случай заставил её... опозориться на глазах у красавца из параллельного класса. Дно? Дно... Вот по этому дну Настя и покатила тыкву своей будущей кареты. И потихоньку начала превращаться в принцессу.

ISBN 978-5-51-701995-0

© Нестерина Е. В., 2009  
© Елена Нестерина, 2009

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

# **Елена Нестерина**

## **Краткий курс Золушки**

### **повесть**

#### **Глава 1**

#### **Настя номер семь**

Так получилось, что девочек с именем Настя в восьмом «Б» классе было семь. Нет, никто специально не подстраивал так – для путаницы или для смеха. Просто, когда после начальной школы формировали профильные классы – математический, класс «В», и гуманитарный, соответственно, «Г», учеников двух общеобразовательных классов тоже изрядно перетасовали. Девочек с именем Настя в этой параллели оказалось очень много, поэтому их делили-делили, и поделили по-честному – шесть в один класс, шесть в другой. В «Г» класс изучать гуманитарные науки отправилась всего одна Настя, а в класс точных наук не попало ни одной. Со временем в класс «Б» пришла ещё одна Настя, а спустя год Настя из «А» класса перешла в другую школу. Вот так и получилось. Зато в восьмом «В» было три Даши, в «Г» две, в классе «А» всего одна и в «Б» ни одной.

Ещё во всех четырёх классах было много Иванов и Александров. Но речь сейчас не о них. А об Анастасии.

О Насте Ладыжковской. Точнее, о Насте седьмой.

Среди девочек восьмого «Б» уже давно существовал рейтинг популярности. Каждая знала своё место в этом рейтинге, и, чтобы подняться или опуститься хотя бы на одну позицию, нужно было приложить колоссальные усилия. Вернее, это подняться было трудно, практически невозможно, конкуренты давили и сверху, и снизу турнирной таблицы. А вот опуститься-то можно было вполне.

Но только не Насте седьмой. Которой падать было уже некуда. Седьмая в рейтинге Насть, она и в общем списке занимала последнее, одиннадцатое место. Хуже неё не было девочки. Да, все шесть Насть, одна Анжела, одна Марина и две Оксаны были лучше её. Так считали они сами, и так было определено справедливым и беспощадным рейтингом. Первой девушкой класса – самой лучшей, самой красивой, самой популярной и самой стильной (не говоря уже об отличнице, спортсменке и прочем) была Настя Первая. Первая, первая, первая во всём. Она была прекрасна, как звезда с неба. Её волосы с натуральным платиновым отливом, её безупречное лицо и точёная фигура, её лидерский характер – всё было самого высокого уровня. До неё не дотягивался никто. И даже не пытался дотягиваться. Звезда – она звезда и есть. Самая красивая девочка параллели. А может, и школы. Её порядковый рейтинговый номер даже произносился уважительно – как будто с большой буквы. Настя Первая...

Как, впрочем, и номера Насти Второй и Насти Третьей. Тройка лидеров – а дальше уже не так почётно. Вот потому-то борьба за эти места была наиболее ожесточённой. Три девушки, тоже три Насти – Горошкова, Балабкина и Потапчук, имели примерно равные шансы. И потому изо всех сил старались переплюнуть друг друга. Так что в течение одной недели Настя Вторая могла оказаться Настей четвёртой – и выпасть из тройки лидеров. Точно также и наоборот. Неудачный макияж, облезший лак на ногтях, неуспех на дискотеке или прилюдная оплошность – за всем этим неусыпно следили девчонки. Да и мальчишки тоже. И фиксировали, фиксировали. «Ну-у, Настя, это не круто! Облажалась ты, Настя!» – не совсем в серьёз, но и почти не в шутку разочарованно говорили промахнувшейся Насте добрые одноклассники. И все понимали, что расклад на рейтинговой таблице снова изменился. Кто-то опустился в

её низ, и кто-то поднялся. Это была давняя и любимая игра. Которая бодрила и делала однообразную школьную жизнь интереснее. Не давала расслабиться. И заставляла девочек быть всегда на высоте.

Уважаемую группу крепких середнячков уверенно представляли Анжела, Настя пятая и Оксана первая – девочки неплохо учились, не отставали от общей тусовки, их мнение было почти так же важно, как мнение тройки лидеров и постоянно выпадающей оттуда четвёртой красоти. К тому же, именно они были главными составительницами рейтингов. С Настей шестой и Мариной единственной было всё понятно – Марина, спортсменка-акробатка, появлялась в школе нечасто, особо не желала ни с кем общаться, но могла так накатить в пятачину своим крепким акробатическим кулачком, что связываться с ней было себе дороже. А потому восьмое место, к которому Марина никак не относилась, переживая только за места в своих спортивных соревнованиях, вполне могло оказаться и седьмым, и шестым, и выше, если бы стройная и вполне симпатичная Марина сама этого хотела. И проявляла активность. Но она не проявляла – ей и так было хорошо. И плевала она на местные условности и порядки.

Настя же шестая была девочка из обеспеченной семьи, носила дорогие вещи – цене, качеству и престижности которых не предавала значения, сутулилась, пищала что-то себе под нос и часто болела. А потому и имела девятое место. Десятку замыкала Оксана вторая – ботаник в прямом смысле этого слова, цветовод-овощевод, круглая и комическая девочка. Она дружила с Настей шестой, училась хорошо, но как-то по-тихому, одевалась скромно, не тусовалась и остроумием не блистала. И тоже не имела никакого влияния в классе.

Ну так а Настя-то седьмая... Седьмая среди семи Насть и в рейтинге одиннадцатая. То есть последняя.

Вот кто тоже не участвовал в игре. Совсем не участвовал. И не имел никаких шансов – как имела их та же уверенная в себе спортсменка Марина. Или Настя шестая, которая могла расправить плечи, накраситься дорогой косметикой – маминой или своей, которую при первом же желании ей тут же купят, встряхнуть свои дорогие шмотки, стукнуть кулаком по парте и превратиться из лягушки в царевну.

А Настя седьмая не могла. Никак. Да и какой смысл подниматься из болотных недр завершающей строчки рейтинга?

Настя седьмая обладала всем набором Золушки, не имеющей шанса не только стать невестой принца, но даже и просто поучаствовать в борьбе за расположение доброй феи – чтобы та хотя бы подпихнула её в сторону дороги, ведущей на королевский бал. Ну, или расчистила место на этой многолюдной тропе и предоставила хоть какую-то возможность своей протее в борьбе за успех. А, говоря проще, это была бедная, некрасивая, стеснительная, неуверенная в себе девочка. Настя седьмая сидела за партой одна – если можно было рассаживаться кто как хочет, или с тем, с кем классная руководительница её посадила. То есть со средней популярности мальчиком Аркашей, который за все несколько лет совместного проживания за одной партой сказал ей не больше двадцати слов. Да и Настя ему тоже. Если не меньше.

Как выглядела. Да, как Настя выглядела?... Понятное дело, что никак – ведь она была никакая. Конечно, какая-то она была, только никто не имел до этого дела. Среднего цвета волосы, среднее телосложение, средней выразительности лицо. Тихий неуверенный голос, учёба с тройки на четвёрку. Всё обычное и скучное.

Понятно, что никто из мальчиков на такую неинтересную девочку внимания не обращал.

А Настю это совершенно не расстраивало. Она даже не понимала, зачем нужно, чтобы тобой интересовались мальчики. Так что Настя мирно копошилась за партой, тихонько перебегала из кабинета в кабинет, скомканно и по-быстренькому отвечала, если её спрашивали на уроках. Смеялась вместе со всеми, когда артистичные Настя Первая, Настя Горошкова и Настя Балабкина (она чаще оказывалась Настей Второй – и потому, что была очень крута, и

потому, что больше всех дружила с Настей Первой) показывали кого-то в лицах или разыгрывали сценку. А на переменах просто наблюдала за всеми.

Ей это было интересно точно так же, как и телесериалы, которые, придя из школы, она смотрела один за другим. Сериалы, да – вот это было главной её радостью! Чужая насыщенная жизнь. Настоящие события, переживания. Которых у неё не было.

А у неё самой была квартира, в которой нужно убираться, готовить, стирать и всё остальное. Была мама, которую нужно ждать с работы. Магазины, в которые надо ходить за продуктами. И, конечно же, окно в мир – безлимитный интернет. Так что скучать Насте не приходилось.

Мама у неё была деловая. Она изо всех сил старалась выбраться в люди и как можно лучше устроить свою личную жизнь. На работу мама ездила из одного конца Москвы в другой и трудилась там до позднего вечера, стараясь поскорее подняться по карьерной лестнице. Выглядела Настина мама как девушка двадцати пяти лет, посещала курсы английского языка, фитнес и салоны красоты. Её модные вещи были куплены в хороших магазинах. Правда, в сезон самых последних скидок (хотя мама тщательно скрывала это от знакомых, сотрудников – да и вообще ото всех, кроме Насти). Как опытный охотник она сначала присматривала себе что-то, долго выжидала – а в распродажи приезжала и покупала. Конечно, часто её опережали такие же мудрые охотницы, но в основном Настиной маме везло, и качественные товары доставались ей с её любимой скидкой. Так что она умела экономить, делала это виртуозно, и приучила экономить Настю. Так приучила, что девочка постепенно поверила – ей вообще ничего не надо. Надо маме, потому что она, создавая себя – красивую, ухоженную и успешную, работает на их счастливое будущее. А у неё самой всё, что нужно, есть. А вырастет, будет ещё больше. И ничего не просила. Носила в школу форму – пиджачок и плиссированную юбку, которые купила ей мама в позапрошлом году, и была этим довольна. Они так до сих пор и были самый раз, разве что рукава пиджака, которые стали коротки, Настя сама отпустила и прострочила на машинке. Пусть политика в их школе была демократичной по поводу одежды – никакой формы, Настя неизменно, разве что кроме случаев самых лютых морозов и майской жары, появлялась в своём пиджачке и скучной юбочке. Менялись неприметные блузочки и водолазки. Да Настины причёски – иногда она закручивала волосы в хвост, иногда распускала или в косу заплетала. Всё.

Отсидела уроки – и скорее домой! По такой схеме была построена жизнь Насти. С раннего детства она находилась на хозяйстве, а мама работала. Поэтому девочка умела всё. Идеальная домохозяйка. Мама при такой горя не знала. Каждый день её ждали завтрак и ужин, изготовленные неутомимой дочкой. Настя вставала раньше мамы и принималась за хлопоты, каждый раз стараясь её порадовать чем-то новым – хотя мама не давала ей денег на разносолы, она всегда готовила что-то вкусненькое. Настя понимала, как трудно маме: чтобы тебя заметили, чтобы продвинуться, чтобы показать, что ты лучше других, – надо блистать. Так что мама это делала – на всю зарплату. И Настя, придумав, что мама находится на фронте битвы за жизнь, а она сама в тылу, старалась изо всех сил. Вот пробьётся мама – тогда и заживут они совсем по-другому.

А пока уж как есть. Нормально.

Мамой Настя гордилась. Хотя очень стеснялась показываться с ней на людях – чтобы не опозорить. Она хорошо понимала, что взрослая дочь такой молодой матери имиджево невыгодна. Несколько раз по выходным мама и Настя ездили отдыхать на открытом воздухе – когда корпорация требовала, чтобы сотрудники являлись на отдых вместе с детьми. Настя видела, как люди удивляются тому, сколько лет дочке её мамы. Ей хотелось провалиться сквозь землю или стать голопопым карапузом – ведь маме тоже не очень-то приятно было реагировать на это удивление и знать, что в этот момент её любопытные сотруднички подсчитывают в уме, сколько же тогда лет маме, если у неё такая взрослая дочка. Получалось, что не так мало,

как кажется. И значит, зря мама старается выглядеть моложе. Так что она перестала брать с собой Настю. Начальству говорила, что дочь уехала на сборы – потому что активно занимается спортом: большим теннисом, да, да, да. «Не забудь, – втолковывала мама Насте, придумав эту версию, – если кто из моих знакомых спросит – ты занимаешься большим теннисом, и занимаешься серьёзно!» Настя сильно сомневалась, что кому-то из взрослых придёт в голову обратиться к ней с вопросом, каким именно спортом она занимается, но всё же послушно соглашалась.

И сидела дома. Ей там было хорошо. Настя умела делать косметический ремонт в квартире, чинить краны и электропроводку, разобралась даже с кабелем от роутера, который однажды повредили в подъезде соседи, перетаскивавшие только что купленный гарнитур. Она время от времени устраивала дома перестановку мебели – тем более, что мебель была удобная, лёгкая, купленная в экономичном шведском магазине.

Так, за домашними заботами и хлопотами, день и проходил. Уроки Настя учила быстро – зачем тратить на них лишнее время? И неслась к своим делам. А большой монитор радовал её бурными событиями чужой жизни, показывал роскошных артистов, красивых артисток, которые играли страдающих и побеждающих мужчин и женщин, их любовь и ненависть. Ещё Настя очень любила смотреть ролики про то, как люди улучшают и упрощают себе жизнь, делают полезные вещи из всяких отходов. А не так давно полюбила передачи про то, как люди создают любовные пары, ругаются-мирятся, выбирают себе друзей и подружек, обследуя их жилища или машины, лезут за призом сквозь болота и джунгли – все такие без комплексов, уверенные, загорелые, красивые. Эти люди были ей как родные. Проблемы героев сериалов и реалити-шоу Настя воспринимала как собственные. И искренне переживала за своих любимцев.

А в реальности... В реальности она, понятное дело, ничего похожего не имела, ни с кем не дружила, потому что знала: слишком она неинтересна, скучна и неостроумна. А уж что касается того, чтобы встречаться с кем-то из парней – об этом Настя даже не мечтала. Это уж точно из другой, нереальной жизни – ведь даже у самой Насти Первой не было молодого человека.

Свою примитивность Настя ощущала непрерывно. Ну разве только дома, в родной хозяйственной стихии она об этом забывала. А в школе или на улице она старалась прошмыгнуть как можно незаметнее мимо стильных девчонок (вернее, мимо всех, потому что знала – любая девушка в облезлой куртке или немодных джинсах может оказаться кем-нибудь вроде их спортсменки Марины, которая, если что окажется не по ней, или без промедления засветит в ухо, или обложит такими словами, что будешь лететь от неё как колбаска по Малой Спасской). В присутствии мальчишек – ну разве что кроме учеников начальной школы и младше, Настя вообще старалась слиться с пейзажем.

Поэтому, конечно же, в классе с ней не считались. И если мама была в родительском чате восьмого «Б» и знала обо всех важных событиях, то Настю никто не добавил в чат класса. Кто-то увидел её кнопочный телефон – и разговор об этом отпал сам собой.

В классе даже присказка такая ходила: «Хуже, чем седьмая». «Страшнее, чем седьмая». «Тупее, чем седьмая». И тому подобное. То есть так плохо, что хуже просто быть не может... В прошлом году на восьмое марта мальчишки даже забыли купить для седьмой Насти подарок – выяснили это уже на торжественном вручении. И не постеснялись ей сказать: «Да, забыли, но ты бодрись и жди. На следующий год что-нибудь подарим».

Насте было тогда обидно. Ей было больно, горько и безысходно. Самооценка её забилась под плинтус и там, дрожа, доедала саму себя. Однако в школе Настя держалась до последнего: улыбалась, хлопала в ладоши вместе со всеми, когда мальчишки поздравляли классную руководительницу. А дома долго и горько плакала. Правда, только до того времени, пока не появилась мама – весёлая, довольная, с корпоративной восьмомартовской вечеринки. Портить маме



праздничное настроение Настя, конечно, не могла. И, как обычно, ничего ей не сказала. О школьном рейтинге мама даже понятия не имела.

Вообще Настя седьмая, как и любая другая девушка, обойдённая вниманием парней и удручённая собственным несовершенством, часто думала о судьбе Золушки и сравнивала её со своей. Понимала, что принцы никогда не согласятся на такую, как она. Ведь у Золушки только одежда и условия жизни были плохими, а сама-то она просто красавица – если отмыть её от золы и приодеть. Её же, Настю, мыть не надо, она и так всегда тщательно умытая, причёсанная и в наглаженной чистой одежде. Просто в некрасивой. И сама некрасивая. Сколько раз Настя примеряла мамина наряды, смотрела в зеркало и понимала: выглядит это всё никуда не годно. Как корова не может носить седло, так и ей нечего даже пытаться одеваться стильно. С подобным умением нужно родиться – ну или, как на своём примере доказывали это героини сериалов и участницы телепередач типа «Мы вас переоденем – и жизнь наладится!», долго и неутомимо трудиться над своим имиджем. И в конце концов это самое умение и чувство стиля приобрести. А для того, чтобы начать трудиться, нужен стимул. Цель какая-нибудь благородная. Ни того, ни другого у Насти не было. А ещё, как сообщали девочке её дорогие жители телеящика, двигателем может стать страстная любовь. И тогда забытые страшили превращаются в красоток. И в них, соответственно, тут же влюбляются красавцы. А страхопутры, соответственно, после долгого завоевания их сердец, отвечают им взаимностью. И когда эта самая страхолюдина влюблена, она под влиянием своей любви преображается. Ну, или старается ради карьеры и процветания, как Настина мама. Но мама-то не страхолюдина... В общем, Настя путалась и старалась вообще не думать на эти темы. А просто жить, раз уж живёт.

Вот такая это была девочка.

И вот какая история произошла с ней.

## Глава 2

### *Не Золушка – Грязюшка!*

Однажды, сразу после уроков Настя отправилась в банк оплачивать коммунальные услуги. Раз взяла с утра из дома квитанции и деньги, значит, надо идти. В мамином тылу нужно поддерживать тишь и гладь.

Честно отстояв очередь и расплатившись по всем счетам, девочка вышла на улицу. Было тепло и солнечно – заканчивался сентябрь. Небо над Москвой было трогательно голубым. Настя подняла голову и смотрела вверх. Это была её любимая погода – когда всё вокруг будто прощалось с теплом и радостью, становилось особенно нежным и каким-то дрожащим. Без всякой причины хотелось плакать. Настя вздохнула, и вдруг её окликнули.

– Девочка! Девочка, добрый день! Послушай, мы ведь с тобой, кажется, в одном подъезде живём? Да?

Настя оглянулась. Её тронула за рукав молодая женщина. Ну да, Настя её помнила, она действительно жила в их подъезде.

– Здрасьте...

– Здравствуй! – обрадовалась женщина. – Пожалуйста, не могла бы ты мне помочь? Мне нужно срочно две квитанции оплатить, и не в банкомате, а обязательно у операциониста, а народу много, и с коляской не пускают. Не протолкнуться будет. А я одна. И ребёнка не могу просто так на улице оставить. У тебя есть время? Постой, пожалуйста, возле коляски, покарауль. А я возьму талончик в очередь. Пожалуйста. Мне так неудобно просить...

– Конечно, конечно, я покараулю! – интенсивно закивала Настя – потому что тоже очень не любила просить. То есть боялась. Но, так или иначе, – она по себе знала, как неловко в такие моменты человеку, а потому постаралась поскорее прекратить его мучения.

– Вот спасибо! – женщина тут же подкатила к ней коляску, в которой спал малыш. – Там у коляски колёса не стопорятся, – добавила мамаша, – так что она даже от ветра катается. Может на проезжую часть выехать, если её не держать. Осторожнее, хорошо?

– Да, да!

– Ну, я пойду?

– Конечно! – Настя крепко вцепилась в ручку коляски и замерла. Она была очень ответственная.

И принялась стоять. Стояла, стояла, глядя то на спящего ребёнка, то в ясное осеннее небо. И вдруг малыш проснулся. Открыл глаза, скосил их сначала в одну сторону, затем в другую. Зафиксировал взгляд на Насе. И... заплакал. Девочка похолодела. Мама малыша ничего не говорила о том, что делать, когда он проснётся. Малыш тем временем продолжал плакать – громко, безутешно. Скорее всего, он испугался, когда, открыв глаза, обнаружил вместо мамы какую-то чужую тётю.

Так решила для себя Настя. И заметалась: что делать? Принялась яростно качать коляску – может, ребёнок укачается и уснёт? Но он, конечно же, не мог заснуть в такой обстановке и заплакал ещё громче.

Настя попыталась погладить его по голове – ей самой в детстве нравилось, когда её так гладили. Но ребёнок в испуге шарахнулся, чуть не перевернув свою коляску. Он уже покраснел и аж заходился в крике.

«Что ж я такая глупая-то? – корила себя Настя. – Почему я не могу принять решение? Почему не могу ничего придумать? Неужели я совершенно безнадежна?!» Ведь ставить на себе крест ей не хотелось. Хотелось жить – пусть не в кругу успешных людей, но хотя бы просто – сама по себе, но жить и что-то делать. А в эпоху жёсткой конкуренции лузеры не имеют

на это права. Настя давно и искренне считала себя этим самым лузером – бедной неудачницей. Тем более что в прошлом году, по итогам анкетного опроса социально-личностной активности, который проводили у них бойкие жизнерадостные практикантки-студентки, она лишь подтвердила своё последнее место в классе. Настя оказалась самой непопулярной, самой неинтересной в общении, самой незаметной в плане внешнего вида, самой неучаствующей в жизни класса, и уж тем более в жизни школы. Распечатка с итогами анкетирования и позорным наипоследнейшим местом хранилась у неё в глубине письменного стола. Маме Настя его показывать не стала, чтобы не расстраивать.

«Может, я всё-таки не лузер? Или хотя бы не окончательный. Ведь такое простое дело – неужели я не справлюсь? Миллионы людей справляются с младенцами, а я что?» С этой мыслью девочка выхватила кричащего ребёнка из коляски и бросилась к дверям отделения банка. Стоп – одеяльце ведь тоже неплохо захватить, а вдруг его утащат? Настя вернулась, кое-как подцепила одеяло и потянувшуюся за ней пелёнку – и снова побежала в кассу.

– Он плачет, никак не может успокоиться! – пробравшись сквозь толпу к матери горлопана, стыдясь, забормотала она. – Я не смогла его утешить и вот принесла вам...

Мать взяла своего ребёнка на руки. И не стала позорить Настю – хотя Настя уже вжала голову в плечи и приготовилась терпеть. Женщина сама принялась извиняться: что отняла у Насти время и что испугала её своим громкоголосым сынком. А ещё сказала, что Настя поступила правильно – быстро среагировала и принесла ей ребёнка. Так что всё хорошо, волноваться не надо, спасибо.

– А тогда покарауль на улице, пожалуйста, нашу коляску, хорошо? – попросила женщина. – Её, конечно, никто не утащит, но на всякий случай. Тормозов-то у неё нет. А мы уже скоро выйдем.

– Хорошо.

Настя, которую и похвалили и даже снова попросили о помощи, отправилась на улицу. Конечно, она будет ещё больше стараться, она станет караулить коляску со всей ответственностью!

Ей было почти спокойно – ведь она оказалась не такой позорной, и даже больше – поступила правильно. Так ей сказал взрослый человек. Настино настроение поднялось.

И вдруг...

Выйдя из двери, девочка увидела, что коляски-то нет! Нигде нет, ни у самой двери, ни справа-слева. Куда же она делась? Настя в ужасе пробежала туда-сюда вдоль здания. Нет. Может, укатилась? Здесь, у края новостроек, всё ещё были овраги, и вся местность оставалась неровной, холмистой, так что вполне коляска, у которой не стопорились колёса, могла скатиться с горки и мчаться себе весело дальше.

Настя выскочила на тротуар, пригляделась. Да вот же она, коляска, во-он, вдали! И в ней... сидит мальчишка – а двое других его катят по очереди, с жеребьичьим хохотом отталкивая друг друга и продолжая нестись вперёд. И здоровые такие ребята, Настиного возраста, а не какие-нибудь там малыши.

А ведь это она, шляпа-раззява, коляску упустила! Она, глупая Настя! Очень зря она о себе хорошо подумала – и вот результат.

Надо срочно исправляться. Надо... отбирать коляску.

Но как???

Как?

Бежать за мальчишками? Говорить – «Отдайте»?

Настя только на миг представила, как она это будет делать, – и ей стало до того страшно, что даже в глазах потемнело.

И ещё стыдно. Стало очень стыдно. Сейчас соседка выйдет из банка – а ребёнка-то и положить некуда. Пропала его коляска. Просто прекрасно покараулила её растяпа-Настенька...

Стыд победил. Он дал пинка Насте под зад. Она помчалась по дороге.

А мальчишки... Мальчишки уже подкатили к оврагу. Его пересекала заасфальтированная пешеходная дорожка, ведущая от отделения Сбербанка и магазинов к недавно построенным высотным домам.

Да что ж они делают!!! Сидя в детской коляске, с воплями и гиканьем один из них лихо мчал с горы. Докатил до самого низа – до раздрыганныго мостика, под которым тёк ручей. К нему подбежали двое приятелей. И вот они снова заволокли коляску на бугор. Следующий гонщик полез в неё...

Настя их узнала – это были мальчишки из восьмого «Г» класса. Как их зовут, она никогда не интересовалась, но лица за столько лет обучения в одной школе, конечно, запомнила.

Надо кричать, надо требовать, чтобы прекратили кататься, чтобы отдали коляску... Но девочка бежала молча – громко кричать она никогда не пробовала. Вот так вот за всю свою жизнь и не крикнула ни на кого.

Подбежала и, когда похитители влезли в коляску уже втроём – один уселся, а двое напрыгнули на неё с боков и, болтая ногами, помчались с горки, она изо всех сил схватилась за куртку одного из них. Молча.

– Эй, чего пристала! Отвали! – пацан стряхнул с себя Настины руки.

Коляска неслась под горку, Настя какую-то пару секунд ехала буксиром вслед за ней. Но ноги зацепились за выщерблину в асфальте, Настя резко дёрнулась и упала. Конечно, проскреблась по дороге. Руками и коленями угодила в лужу, и даже на лицо ей плеснула грязная вода. Эх...

А коляска тоже долго не удержалась – под тяжестью великовозрастных слонят лопнули пружины. Люлька коляски осела, накренилась и упала на бок. Мальчишки посыпались на асфальт. Ходовая часть проехала ещё полметра, но вот от неё отвалилось колесо и жизнерадостно покатилося к обочине... Всё.

– Вы зачем... Зачем коляску?.. – расплакавшись от боли и отчаяния, причитала Настя, поднимаясь и даже не пытаясь отряхиваться. Только слёзы вытерла – так что по щеке расплылась широкая полоса грязи. Вид у девочки был самый что ни на есть комический и жалкий.

Вот к такой зачуханной особе и подошли три гневных добра молодца.

– Ты чего, совсем припухла? – поинтересовался у Насти тот, который пару минут назад предложил ей отвалить.

– Чё, больная, что ли? Чего тебе надо, вообще? – зло и яростно крикнул второй.

А третий – тот, который первым забрался в коляску и восседал там, как фон-барон, не сказал ничего. Просто иронично оглядел Настю с ног до головы и с грустным сочувствием покачал головой.

И это обидело девочку больше всех самых обзывательных слов. Этот ухоженный и невероятно уверенный в себе красавчик не даёт ей даже шанса! Он понимает всю её ничтожность – и даже сочувствует! Вроде как – «бедная убогая! Ну что с неё взять»...

И это... разозлило Настю! Да – и придало ей сил. И даже уверенности. Она шумно вздохнула – чтобы крикнуть, так уж крикнуть. Но тут красавчик сморщил лицо и с сюсюканьем сказал:

– Пацаны, ну что вы, в самом деле. Ну разве каждый день вам девушка под колёса бросается? Так что гордитесь. А ты, моя цыпа, я смотрю, с мальчиками захотела познакомиться? Ор-р-ригинальный способ. Ещё одна влюблённая, значит... И что ж вас так разбирает-то? Ну, давай знакомиться, крошка. Меня зовут Алексей. Я парень мечты, и твоей, значит, тоже. А ты, наверное, Золушка?

– Грязюшка. – хихикнул один из его приятелей.

– Почему это? – удивился второй.

– А потому что не из золы, а из грязи выбралась.

– Грязюшка. Точно! – С этими словами Алексей провёл указательным пальцем по Настинной щеке, внимательно осмотрел грязь, которая на нём осталась. И притворно сладко улыбнулся девочке.

Которой от стыда хотелось провалиться в самый центр Земли и захлебнуться в пучине магмы. И шла бы речь сейчас о ней, Настя бы так и поступила. Но сейчас она старалась не для себя. И пусть слёзы прямо-таки брызнули у Насти из глаз, она, не обратив внимания на глумливые слова про парня её мечты, гневно заявила:

– Что же вы наделали?! Вы же нормальные люди – вы что, не знаете, что нельзя брать чужое имущество? Как вы вообще могли – угнать чужую коляску? А ребёнка в чём теперь будут катать? Он же маленький!

– Какого ребёнка?

– Обыкновенного! – Настя бросилась к коляске, грустно накренившейся на бесколёсную сторону. Осмотрела её – пружины полопались, погнулась рама. Под тяжёлыми задницами принцев из параллельного класса коляска превратилась в отходы, не поддающиеся восстановлению... Но Настя всё ещё не сдавалась – она подобрала колесо и попыталась приделать его на место.

Трое ребят молча наблюдали за ней.

– Что же вы за люди такие? Стояла себе коляска, никого не трогала. Или вы думаете, если я... Если я, если мне... Значит, можно издеваться? Думаете, я совсем, совсем... Что у меня... У меня...

– Хватит на нас баллоны катить! – прервал Настины вопли Алексей. – Что ты «совсем»? И чего гонишь-то? Никакая это не твоя коляска. Потому что это вообще не коляска!

– Как – не коляска? – опешила Настя – с такой уверенностью он говорил.

– Это не коляска, это хлам. – продолжал Алексей. – И никакого ребёнка в ней не возят! Думаешь, мы совсем отморозки – будем у детей коляски угонять?

– Возят в ней ребёнка! Возят! Я же знаю! – изо всех сил крикнула Настя. И хорошо крикнула – громко. Потому что была на сто процентов уверена в том, что говорила.

– Когда возят?

– Сейчас возят!

– Кто?!

– Соседка моя!!!

– И сколько лет соседке?

– Ну... – Настя растерялась. – Сколько там обычно бывает, когда ребёнок маленький...

– Ага, а коляске этой лет сто. – с этими словами Алексей дёрнул за отошедший от металлического каркаса кусок клеёнки, которой была обтянута коляска. Он охотно и с весёлым треском оторвался. Так рвётся материал, давно отслуживший свой век... Алексей молча продемонстрировал клеёнку Насте.

Настя внимательно осмотрела злосчастную коляску. До этого она не обращала внимания на её внешний вид. О ужас! И правда – коляска оказалась до того старая и жалкая, что поверить в возможность того, что в ней возили на улицу ребёнка, было просто нельзя. Она отличалась от тех, что ездили сейчас по дорогам городов и сёл, буквально всем. И конфигурацией, и материалом, из которого сделана. Пусть она была чистая, аккуратно перевязанная скотчем и пластырем в надломленных временем креплениях, – но такая ветхая! И это был не винтаж<sup>1</sup>, не вещь, изготовленная специально в эстетике ретро. Нет – просто очень старая затрёпанная колясочка. Каких времён – даже непонятно. Настя ещё помнила коляску, в которой сама каталась. Она

---

<sup>1</sup> Винтаж – (в сфере моды) одежда или вещь, выпущенная в XX веке и получившая актуальность в моде начала XXI века. В широком смысле – любые предметы обихода прошлого в современной интерпретации.

долго стояла в кладовке, заваленная другими старыми вещами, очень не сразу мама куда-то её дела. Коляска была похожа на те, которые выпускали сейчас, ну разве что попроще. А эта...

Настя представила её – бедную, задрипанную, неловко и несмело едущую среди всяких современных трансформеров и колясок со множеством возможностей, чуть ли не с вертикальным взлётом и функцией подогрева окружающего пространства... И едва не расплакалась. Хотя, почему едва – тихо и горько девочка заплакала. Она и сама, казалось Насте, была похожа на эту жалкую коляску: такая же убогонькая, пришибленная. Точно так же при виде неё презрительно хихикают подпевалы красавцев и глядят с брезгливой жалостью сами красавцы. А уж как глумятся девицы... Ну да что поделать? Эта коляска не могла стать новее и красивее. И Настя стать не то, что красивой, хотя бы просто как все, в пределах допустимого уровня непозорности, не могла тоже. А значит, каждый имел право издеваться над ней, как над этой коляской.

... – На этой коляске алкаши возят бутылки сдавать. – сквозь свои мысли услышала вдруг Настя. – Так почему бы нам не прокатиться на их колымаге?

Какие ещё алкаши? Какие бутылки? Нет. Алексей ошибался. Знаменитую на весь микрорайон парочку алкашей и их транспортное средство Настя тоже неоднократно видела. Да, это тоже была коляска старых времён – но другая. А коляска соседки, в которой лежал спящий малыш, вот она, здесь... Алексей путает. Или, прекрасно всё зная, по-прежнему изощрённо издевается? Потому что над ней, убогой Настей, можно? А ведь можно...

И Настя не стала ничего объяснять. Она развернулась и пошла по асфальтовой дорожке в гору.

– Коляску-то свою забирай! – донеслось ей вслед.

– Эй, мать героиня из каменного века, лови!

Мимо Насти, бренча тремя оставшимися колёсами и разваливаясь на ходу, прокатилась дурацкая коляска. Упала у обочины – Настя это услышала, но оглядываться даже не стала. И так всё было ясно...

Красивые, стройные, хорошо одетые и уверенные в себе, мальчишки издевались над уродливой вещью. Если бы Настя была им ровней – такой же интересной яркой девушкой, она могла бы веселиться вместе с ними. Они бы изощрялись в остроумии, стараясь переплюнуть друг друга, – чтобы только Насте понравиться. Так вели себя ребята, которые крутились возле Насти Первой и её подружек. Причём даже не одноклассники – у них давно не было шансов, они рассматривались этими девушками лишь как маленькие несмышлёные домочадцы. Потому что на Настю Первую обращали внимание более взрослые молодые люди.

Насте седьмой успеха такого уровня было совсем не нужно. Ей вполне хватило бы простого человеческого отношения, на равных. «Ишь чего захотела!» – горестно усмехнувшись, подумала Настя, поймав себя на этой мысли. И продолжала идти. Быстрыми-быстрыми, и даже решительными шагами.

## *Глава 3*

### *Не умеешь жить – не берись!*

А шагала она заканчивать свою позорную жизнь.

Потому что очень чётко поняла: хватит. Быть неудачницей – хватит. Ничего в мире не изменится, если количество человек уменьшится на одну лузерскую единицу. Никто не заметит и даже не будет переживать. Громко всхлипнув при этой мысли, девочка представила себя лежащей в гробу – бледной, холодной и очень достойной, как почившая принцесса. Все, кто увидел бы её, тут же, конечно, раскаялись бы и принялись ругать себя за то, что были так пренебрежительны по отношению к ней, что не считались с девочкой, которая решилась на такой отчаянный шаг, лежит вот теперь в гробу, и ожидает её не счастливая юность, а сырая могила... Представив всё это, Настя зарыдала ещё сильнее – и, протиснувшись сквозь шаткие доски забора, помчалась по стройке к почти готовой двадцатидвухэтажке. Помирать так помирать – чтоб уж наверняка! Герои сериалов часто заканчивали свою жизнь так, что зачастую их спасали вовремя подоспевшие друзья, родственники или добрые случайные прохожие. Или этаж для сбрасывания они выбирали невысокий. Или яд жидкий. Или ножик неострый. Или пистолет с поддельными патронами. Нет. Прыжок с двадцать второго этажа решит эту проблему наверняка. Девочка была настроена решительно.

Она мчалась по ступенькам и представляла лицо мамы. Мама, конечно, расстроится. Но зато тогда, без Насти, она точно будет считаться перспективной невестой. Претенденты на руку и сердце оживятся. И, женившись на молодой и красивой Настинной маме, обязательно заведут с ней нового ребёнка – маленького и подходящего для статуса настоящей счастливой семьи. А Настя всегда была только обузой. Хотя мама никогда ей такого не говорила, конечно. Так что в этом плане тоже всё хорошо!

Подумав о ребёнке, Настя вспомнила о том, которого уже никогда не положат в бледно-коричневую, сделанную из старой клеёнки коляску. Потому что нет больше этой коляски, нету!

Мысль о том, как жить в ожидании встречи с соседкой, раскалённым кинжалом вонзилась в Настин и без того разгорячённый мозг. Да как – никак нельзя жить! Потому что просто ужасно стыдно будет показаться ей на глаза. Что на глаза – просто войти в собственный подъезд, просто выйти из дома... Да – невыносимо будет подбирать жалкие слова в попытке объяснить, куда же делась вещь, которую Настя пообещала сторожить. И ладно бы, думалось Насте, она подвела бы какую-то там богачку, которой купить новую коляску – всё равно что Насте купить жевачку. А то ведь бедную женщину, у которой наверняка совсем мало денег, подвела. Позорница, ничтожная личность, которой нет места на Земле – по причине того, что она самая настоящая убогая неудачница. Неудачница. Да-да-да, неуда-да-дачница!.. Да!

Так думала, в ритме своего быстрого бега, девочка Настя. И одновременно представляла мать ребёнка на своих похоронах. Как она, бедняжка, смотрит в неподвижное Настино лицо. И – великодушно прощает её, несчастную... Прощает, ведь всех грешников обычно прощают, что с них ещё взять...

Задыхаясь от быстрого бега и обливаясь слезами, Настя мчалась по ступенькам лестницы, у которой ещё не было перил, вверх и вверх. Картина того, какая она печальная и красивая лежит в гробу, снова предстала перед глазами Насти. Тот факт, что наверняка после падения с двадцать второго этажа в гробу будет лежать только то, что соскребут с асфальта (и оно окажется не таким уж приглядным), несколько не смущал девочку. Нет – мёртвая она наверняка окажется прекрасна. Точно – прекрасна! Наконец-то – прекрасна! Вот она лежит вся такая. А люди, окружившие гроб, проливают горькие слёзы, вздыхают «Ах, какая прекрасная девушка – но почему-то умерла!» и раскаиваются в том, что обижали Настю и не считались с ней. Все

раскаиваются, все – и одноклассники, и мерзкие мальчишки, угнавшие коляску, и просто люди, которые когда-либо поступили с Настей плохо. Все, все!.. Если бы Настя читала книжки – даже не какие-нибудь там книги по психологии, а просто художественные, из них она бы, конечно, узнала о том, что такие мысли приходят на ум практически каждому ребёнку. Мысли про лежащего в гробу незаслуженно обиженного страдальца и раскаивающихся его обидчиков. Но Настя книжек не читала – или гоняла по экрану ролики и интернет-статьи, или же в руки ей попадали журналы, которые, уже прочитанные сотрудниками в офисе, приносила домой мама. Вот так Настя и пополняла свои сведения о современном мире и последних изменениях в нём. Статей про жизненные проблемы там было много – Настя их читала. Но невнимательно. Кулинарные рецепты, лайфхаки и биографии звёзд с фотографиями их звёздного быта нравились ей гораздо больше.

Но на что теперь рецепты, кому нужны лайфхаки, зачем рассказы о трудных судьбах известных людей, фильмы и телепередачи – ведь жизнь заканчивалась. Насте было ужасно стыдно – стыдно за убогий внешний вид, стыдно за то, что она так и не смогла стать интересной и кому-то нужной, что не завела друзей, стыдно, что для мамы она только обуза. И, конечно, стыдно за ошибки и оплошности. Как посмотреть в глаза женщине, оставшейся без коляски? Ведь раз эта коляска такая старая, значит, мать ребёнка совсем не имела денег – если не смогла купить ему другую коляску, нормальную. Безмозглая Настя вместо того, чтобы помочь бедным, только навредила им. Дура! Позор! Стыдно-о-о!

Прокричав так, девочка выскочила на заваленную строительными отходами крышу дома. Всё, не умеешь жить – не берись! Такой приговор мысленно произнесла она себе и бросилась к краю крыши. Главное теперь – быстро. Главное – решительно и без всякого промедления. Сегодня она решительная, как никогда. Жалко – подумала Настя, стала решительной, когда уже поздно, когда всё кончается. Эх! Всё кончается. Кончается жизнь... Вот, почти не началась – и уже кончается. Насте стало себя ещё жальче. Но что ж делать – решила так решила. Да, вот такая вся из себя решительная – хотя бы в последний день, нет, в последний час жизни...

Реши-реши-решительной! – шуршало у Насти в ушах. Или это мысли такие шуршащие... Непонятно. Да и не важно.

Смахнув с лица слёзы, которые лили уже непрерывным водопадом, девочка завернула за наваленные друг на друга бетонные блоки. Зацепилась ногой за торчащий металлический жгут. Упала – и всем телом, с отяжкой проскреблась по расколотой бетонной плите. И если, упав сегодня на асфальтовой дорожке, она просто измазала и немного порвала колготки, то теперь, Насте казалось, она стесала коленные чашечки до самого основания.

И ладони.

И локти.

Ой, как больно, как ей было больно! Настя кричала и плакала, держась за коленки и катаясь по плите и строительному мусору. Очень, очень больно...

Настя рыдала в голос – теперь уже не разбирая, от боли, обиды или стыда. Рыдала, запрокинув голову в небо. Которое пока ещё было всё такое же голубое, обрамлённое, как вывернутая наизнанку лысина доброго дедушки-бога, по горизонту милыми курчавыми облачками.

Рыдала – но ползла к краю крыши. Из центра падение вниз было, понятное дело, невозможно. Рыдала и ползла, ползла и рыдала.

Рыдала громко, заглушая себе все посторонние звуки. И потому не сразу услышала:

– Эй, ты! А ну пошла отсюда! Пошла отсюда, я сказал!

Настя тут же остановилась, всхлипнула и, зажав ладонью появившийся из дырки на пиджаке локоть, который тут же начало саднить и щипать, в испуге оглянулась по сторонам.

Ой, мамочки... Прямо на Настю шёл парень примерно её лет или чуть младше – Настя плохо разбиралась в парнях и их возрасте. Сейчас это было, кстати, совершенно не важно. Потому что физиономия у него была очень злая.



– Ты чего сюда припёрлась? – продолжал парень, подходя к Насте и пиная её ногой в плечо. – Давай, вали.

В первые секунды ужас сковал бедную девочку. Вот он, оказывается, какой, УЖАС, – ледяной, парализующий всё тело. Да ещё и покалывающий голову, точно электрическими разрядами. Из-за этого покалывающего электричества было трудно думать. И всё же мысль в голове Насти проскочила: какой позор! Даже самоубиться не получается! Приняла решение самостоятельно уйти из жизни – но никто с этим решением жалкой неудачницы не считается...

Вслед за ужасом пришла другая мысль: ну, вот сейчас всё и закончится. Этот кошмарный злобный парень сейчас убьёт её. Да – треснет чем-нибудь по кумполу. Или вытащит специальный ножик-заточку – и воткнёт его Насте прямо в сердце. Или из пистолета застрелит – а что, наверняка у этого злобнюги он есть. А то ещё проще: парень попросту скинет Настю с крыши, как она сама и планировала. То есть даже поможет – быстренько прекратит её мучения. Ускорит и упростит процесс Настиного ухода из жизни.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.